

1. Супруга Менелая

Менелай, опомнись! Пускай беглецы друг друга
Лобзают и гладят без усталы — пусть!
Зазубрит бабская плоть наизусть
Ласки не только признанного супруга.

И тогда вспомнит Елена палаты
В родимой Спарте, и вспомнит свой трон...
Ну да, и в Трое есть он,
Но другие на него кандидаты.

И потекут изменницы слезы
Бурной горной рекою...
Нет более в сердце места покою,
Тянутся медленно дни, как обозы.
Какая прекрасная месть!

А ты, всех болванов предок,
Из блуда казус белли слепил...
Двадцать лет не спал на кровати,
Не мылся, обедал некстати,
Гадкую водку пил
И старуху вернул напоследок.

2. Тересий

Эй, греки, берегите Фермопилы!
Иль вы не греки вовсе, а дурные персы,
Рабы и соглядатаи на Понте?
О вас узнал я по слезам Оронта –
В пустыню превратились филы.
Проклятьем одарю вас — я, Тересий.

Копайте глубоко — там сны Гадеса
Героев новых родили, мерзавцев;
И нету разницы — ротация навеки.
А все другие... все другие имяреки,
На вырубку годятся разве леса,
Иль на стволы в руках повстанцев.

Кто в ногу выстрелил себе? Растяпа!
Он в сердце целился — увы, промазал.
А рядом — трагик, с ролью расставаться
Ему невыгодно... Нельзя сдаваться,
Ведь смотрят на тебя и октябрюта,
И пионеры. Раз за разом

На стену Трои лезут идиоты –
Они в политике не понимают,
Но умереть хотят — то их стремленье,
Молекул горестных разъединенье:
Устали собираться в соты,
Уйти хотят — весною, в мае!

Убиты все: троянцы, греки, турки,
Эстонцы, русские и украинцы,
Поляки, гунны, кимры и словаки,
Орангутаны, крысоловы, маки...

Остались кто? Атос, Панглосс, Панург и
Слепые пули — пули-проходимцы.

3. Смерть Гектора

Не грусти, Андромаха, твою красоту неземную
Помнить буду на погребальном костре,
И боль от нее боли огня острее —
Ко всем тебя после смерти ревную.

Зрю, как Пирр королевскую руку
Властно кладет на твою благородную грудь.
Убить бы тебя! Ох, не обессудь,
Невыносимо терпеть разлуку.

Но нельзя! Ты не одна. Есть Астинак —
Из него обязана ты воспитать героя,
Поведать ему о том, как пала Троя
И как погиб твой супруг — я, Гектор,
Как на меня толпой навалился враг
И как Ахилл за спинами прятался, словно вор.

4. Агамемнон

Пастырь народов, ликуй! Троя в крови.
Загромоздили трупы агору.
Храмы горят... Данайцы разбили Кору
И алтарь — Илиона святыню.
Лови мгновенье триумфа, лови!!

Награбленное на Понте — грабь,
Не забудь о Приама злате.
Три дня воинам в разврате
Усмирять троянок гордыню,
Затем град вспахать в зябь.

Только, знай, пастырь, есть рок:
И тебе не уйти от расправы —
Таковы мироздания нравы.
Превратил Кассандру в рабыню,
А она тебе в спину — клинок.

5. Фамир Фракийский и музы

Закинула Каллиопа ногу на ногу
И задумалась крепко.
Ланиты пылают,
Перси поднимаются, опускаются,
Словно море.
— Фамир, — произнесла наконец, — иди на войну!
Иди на войну и вернись героем,
Кто знает, авось и отдамся.
— Нет, — ответил Фамир Фракийский, -
Не пойду я на войну. Война — кровь и мерзость.
Мне бы только любить, Каллиопея —
Тебя, и других вдохновительниц,
Любить страстно, до смерти.
— Мы растерзаем тебя, — вставила Эрато.
— Пусть!
Музы переглянулись.
— Да будет исполнена твоя просьба, —
Изрекла Мельпомена.
И не стало Фамира Фракийского,
Слагателя песен.

6. Смерть Поликсены

Поликсена, прости — цветы на твою могилу
Принес я — Неоптолем, или Пирр.
Уверяю тебя — струнам сотен лир
Воспеть твою красоту не под силу.

Я любил тебя — любил, как любят герои:
Беззаветно, Орфея верней.
Грезил: «Только бы быть с ней!»
Приметив твой хрупкий стан на стенах Трои.

Увы, другую судьбу нам приготовили боги...
«Обязан Пирр отомстить за отца!»
И вытекло алое молоко из сосца,
Когда вонзился в юную грудь клинок.
Упал на колени, пил, как безумный, сей сок
И покрыл поцелуями мертвые детские ноги.

7. Мои пороки

Люблю я милые пороки:
Гордыню, сладострастье, лень.
Проходит в праздности мой день
От полусвета в полутьму
И в темноте всплывают строки...

Я полюбил свои пороки.
Как сладок повседневный блуд!
Благословляя скромный труд
И отвергая самосуд
Из глубины всплывают строки:

«Тебе бы, царь, мои пороки,
Не убивал бы, озверев,
Законы разума презрев,
Прекрасных кареоких дев,
А кроткие писал бы строки...»

* * *

У совести изорвалась подкладка —
Покладистым ли стал я ненароком?
Пора предаться тайному пороку
И пожирать русалок всухомятку.

Но прежнего влечения не найти мне —
Оно пропало в кружевах печали.
Когда-то нас на облаках качали,
Теперь на окнах спальни скорби иней.

* * *

Поэт сказал: описывай свой дом.
Но дома нет, живу я под березой,
Без вазы с вечной синецветной розой;
Токкату Баха громыхал мне гром.

За преферанса столик — дуба крепкий пень,
Из одуванчиков себе сложил я ложе...

Но рифмы не получите: «О, Боже!» —
Я верю только в Эвридики тень.

* * *

Судьбы моей невнятные узоры
Вдруг выпрямились словно стан гвоздики.
Преследует меня стон Эвридики
И грустные подруг каstialских взоры.

Понятны им тревог моих мотивы:
Боятся, как и я, фата-морганы.
Мы знаем все — дела мои поганы,
Но есть ориентир — Аида нивы.

* * *

Строка вписалась жирным шрифтом в память,
И забылась тут же —

наверно, так и лучше...

Мне помнить прошлое свое хотя бы,
Миг рожденья,
ручонки белые растяпы —
Сказать я не могу, чтоб «вечно»,
Поскольку век мой завершится скоро,
Точнее — скоротечно,
Без видимых разборок и свершений.

Хотя бы волосы твои запомнить мне,
Иссиня-черные, как Совесть —
Тут рифма просится, я знаю, «повесть»,
Но повести не будет, не хочу
Ее писать извне, рассудком,
А изнутри, всем существом своим,
Убогие признания строчу.
Про Совесть надо уточнить — свою
Имел в виду, окрас определяя,
Ее я чищу, чищу, чищу изнывая,
Но без толку — черна она с рожденья,
Хоть и не верю я в евангельские бредни,
Но в гены пораженья — вынужден,

Здесь надо бы связать с «намедни»,
Но далеко от этого до мщенья.

Склонился в сторону. Нет слов,
Чтоб Совести расписывать промашки...
Пиши, пиши... Не хватит промокашки,
Чтоб высушить ту кровь
Что вытекла — нет, не из носа —
На жидкую, нее, давно нет спроса —
Из десен воспаленных, где нет зубов,
Но кровь еще сочится...
Ну и... Из сердца...
Чего уж мелочиться?

Вражду с Памятью, ей только бы
Деталь какую-то подкрасить иль пригладить,
Чтоб с изворотливою совестью поладить...
Скотина, ненавижу!.. Мелкие душонки! Обе!
Рабы
Тщедушья смрадного, подонки...
Вот бы устроить гонки:
На «Бентли» Совесть, Память — на «Феррари»,
И на трибуне ждать аварий.